

Нат Жарова

ЭФФЕКТ КОБРЫ 2

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж35

Жарова Н.
Ж35 Эффект кобры 2 / Нат Жарова – М.: Литнет, 2026. – 396 с.

ISBN 978-5-521-99489-2

Экипаж "Витязя" привез на Землю содержимое бортового архива с заброшенного инопланетного корабля. Они - герои и заслужили свою минуту славы. Вот только это событие создало опасный прецедент, и теперь перед нашей дружной командой стоит новая задача: разгадать исторические загадки, пройти квест, чтобы обнаружить спасительные подсказки и нейтрализовать то зло, что проникло на Землю вместе с архивом...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99489-2

© Литнет, 2026
© Н. Жарова, 2026

**КНИГА ВТОРАЯ.
ЯД КОБРЫ**

Пролог

*Земля: Шотландия, Шетландские острова, остров Хильды.
Примерно за восемь месяцев до описываемых событий...*

Седовласый тщедушный мужчина в черном пальто и ярко-полосатом, явно вязаном вручную шарфе, замотанном вокруг шеи в несколько оборотов, стоял на узкой полоске галечного пляжа, глядя на высокий берег, нависающий у него над головой. Сверху скала поросла травой, но со стороны моря выглядела сурово и недружелюбно. Темно-коричневый камень, изъеденный временем и непогодой, был покрыт глубокими трещинами и выемками, которые по весне птицы использовали в качестве опоры для гнезд. Сейчас, накануне осенних штормов, гнезда были давно покинуты, и свежий ветер выдувал из них остатки пуха и сухих травинок, норовя опрокинуть в пенистые волны, с жадным шипением облизывающие холодный камень.

Мужчина был очень стар. Его лицо потеряло форму и казалось высушенным из-за обилия морщин и желтоватого цвета кожи, приобретенного за долгую жизнь. Из-за острых скул, вздымающихся над опавшими сморщенными щеками в пигментных пятнах, и заострившегося, как у покойника, носа, он выглядел нездоровым. Жидкие волосы трепал все тот же нахальный ветер, и вязанный шарф наверняка не спасал его владельца от пронизывающего холода. Однако головного убора старик не носил – по всей вероятности, из упрямства. Об этой черте характера говорили и сжатые синеватые губы, и чуть выступающий вперед подбородок, на котором клоками росла щетина – такая же грязно-снежная и жесткая, как и кустистые брови над светлыми и по-молодому ясными глазами.

Засунув кисти рук в карманы пальто так, что локти топорщились в стороны, старик покачивался будто бы под порывами ветра,

но самом деле – от слабости. Он немного горбился, ежился, подергивая плечами, и перебирал ногами, чтобы устоять на неудобной гальке, испытывая ужасный дискомфорт, но с пляжа не уходил. Поскольку он был невысок и обладал резкими повадками, то со своим цветастым шарфом издали производил впечатление экзотической птицы, невесть какими путями оказавшейся на негостеприимном северном берегу.

Непонятно, что именно он выискивал среди поросших мхом утесов. Возможно, его гипнотизировал сам вид древних камней, вросших в море так прочно, что их не могли свалить ни бури, ни льды, ни оползни. Его взгляд блуждал среди трещин и теней, среди которых скрывалась пещерка или грот, выбитый в недрах волнами и людьми. С его места были заметны полуистершиеся ступени, что вели вглубь, но неожиданно упирались в глухую стену. Хмурясь и моргая, когда холодные брызги попадали ему на лицо, старик вслушивался в хриплые жалобы чаек и вдыхал соленые ароматы ноябрьской стылой воды. Несмотря на дикий и суровый пейзаж, он словно бы наслаждался тем, что видел и испытывал, напоминая узника, давно не чаявшего вырваться на свободу и вдруг обретшего подобную милость судьбы.

Рядом со стариком, опираясь на четыре колеса и две подпорки-«руки», стоял мобильный секретарь устаревшей модели. Он был таким же древним, как и его хозяин. Его корпус местами украшали царапины, а некогда яркие надписи на боку стерлись и сделались нечитаемыми. Робот тихо жужжал, хотя этот механический звук терялся за естественными звуками природы: волнами, бьющими о валуны и перекатывающими с шелестом гальку, и криками птиц, носящихся над серыми беспокойными водами. День все еще был в разгаре, но солнце скрылось за пеленой облаков, поэтому на острове было сумеречно. У горизонта угрожающе клубились тяжелые от непролитого дождя тучи, обещающие скверный вечер.

Наконец, старик очнулся от созерцания и подозвал секретаря.

– Начать запись, – велел он, – а то скоро шторм, надо успеть до того, как станет опасно. Смоет в море, чего доброго, а мне пока рано помирать. Да и ты, хоть и ржавая тупая бочка, но мне еще пригодишься.

Старик, как многие одинокие люди, был болтлив и готов общаться даже с вещами. Голос его был скрипуч, ворчлив и полон затаенного нетерпения. Чувствовалось, что мужчина привык командовать и был охоч принижать достоинства собеседников – и ладно, если эти собеседники были всего лишь роботизированными личными секретарями.

Робот, поскрипывая, подкатил к старику ближе и, найдя опору среди валунов, включил камеру, сигнализируя зеленым индикатором, что запись ведется.

– Что ж, – произнес старик, поправляя конец шарфа, брошенный порывом в лицо, – пришла пора нам поговорить начистоту, Матюша.

Последнее слово он выделил подчеркнутой иронией, отчего ласковое имя прозвучало едва ли не как обидное прозвище.

– Жаль, что мы не встретимся лично и важный разговор придется доверять посреднику, который выглядит гораздо хуже меня. Ты вполне можешь отправить его на металлолом прежде, чем догадаться, какую ценность он собой представляет. Но я не могу рисковать. Я никому не доверяю. Даже сейчас был вынужден уйти из дома, потому что и у стен есть уши. Надеюсь, ты сообразишь, и устаревший формат не окажется непреодолимым препятствием.

Старик проверил, как идет запись, и, убедившись, что все в порядке, немного помолчал, вновь ненадолго отвлекшись на скалы. Он щурился на них, словно в поисках посланий, затерянных в паутинах разломов.

– Матюша, – он вновь повернулся лицом к роботу, – за нами присматривают. Да, черт возьми, я опять за свое! Надеюсь, что хотя бы моя смерть заставит тебя проявить уважение и дослушать эту запись до конца.

Я всячески пытался вывести тебя из-под удара, но «Эффект кобры» это палка о двух концах, и чем-то приходится жертвовать. Помнишь историю, которую я рассказывал тебе накануне старта? Про индийцев, что выращивали змей на продажу, потому что англичане боялись укусов кобр и платили за каждую мертвую змею хорошие деньги. Когда обман вскрылся, и халыве положили конец, кобр выпустили из вольеров, и их стало больше, гораздо больше, чем прежде. Вот так и с нашей «Коброй»... Боюсь, что из-за Пробела вокруг нас будет кишеть столько змей, что мало не покажется. Знаю, мои слова звучат бредово, но уж так причудливо все переплелось – история и современность, мечты и страхи, что ничего нельзя исключить. Слишком много вокруг шляется заинтересованных лиц.

С насупившегося неба закапал дождь. Капли были редкими, слабыми, ленивыми, словно где-то наверху подтекал плохо закрытый кран. Но лиха беда начало.

Старик поднял воротник и, махнув роботу, заспешил к пещерке. Он двигался скованно и резко, то неуклюже семеня, то устало шаркая подошвами по скользкой гальке. Секретарь, натужно гудя сервомоторами, двинулся за ним, покачиваясь и не поспевая. Когда одно из колес внезапно застряло меж камней, робот беспомощно взвизгнул и засучил манипуляторами в поисках опоры, стараясь половчей зацепиться за валуны. Старик не обратил на это внимание. Оказавшись под каменным сводом, он добрался до дальней стены, в которую упиралась старая лестница, ведущая в никуда, и встал так, чтобы в фокус записывающего устройства попала и он сам, и стена, и ступени.

– Давай быстрее, несчастная железяка! Это я не тебе, Матюша, а своему горе-оператору... Кстати, эта пещерка имеет славную историю, – перескочил он на совершенно другую тему. – Когда я покупал остров, он стоил совсем дешево, потому что никто не хотел тут жить из-за зловещей ауры, навеянной легендой. Я тебе, кажется, не говорил... да, не говорил, до чего же суеверны местные жители!

Когда-то давно на Хильде жили люди. Ты видел те руины, не так ли? И еще покосившиеся кресты, отмечающие могильные холмики, обложенные серым камнем. Последний обитатель умер в конце 19 века, и с тех пор добрую сотню лет нога человека не ступала на этот проклятый клочок земли. А все из-за пещеры, которую не поделили две могучие силы! Я расскажу тебе, Матюша, то, что мне поведали старожилы Леруика, правда, шепотом и только после пятого стакана пива. Они, видимо, собирались меня напугать – ха! Я им не нравился, но дать от ворот поворот они не могли, вот и нагнетали страху. Но я не из пугливых, да и легенда пришлась ко двору.

Итак, слушай. Прежний владелец этих мест, некий Сеорас Уэлен, вознамерился приспособить вот этот грот под склад. Очень удобно ему было тут хранить вещи, которые он привозил на остров – тут, кстати, единственное пологое место, чтобы удобно причаливать на лодке. Уэлен и его сыновья споро принялись за дело. Взяли кирки, стали тягать камни, стесывать стены и вырубать удобные ступени, которые бы вели к глубокой нише, куда они намеревались уложить деревянные короба. Полюбуйся, – старик махнул себе за спину, – тут еще можно различить следы их энтузиазма, но работа, как видишь, не была закончена.

В один не слишком прекрасный вечер, когда море точно так же, как сегодня, волновалось и готовилось наброситься на остров в попытке пустить его на дно, к Сеорасу Уэлену явился языческий бог Таранис. Явился, как водится, в свете молний и грома, и грозным голосом, от которого дрогнули стены, запретил Сеорасу портить естественную красоту пещеры. Стены дома дрогнули, но Сеорас не дрогнул. Он был добрым католиком и очень упрямым человеком. Он выставил языческого бога вон, осыпав бранью, благо Таранис почему-то имел облик обычного светловолосого парня и, кроме как голосом, ничем не отличался от людей.

Таранис обиду не стерпел и пригрозил отомстить. Он предрек, что если человек не одумается, то у него сначала умрут шесть живот-

ных, потом шесть родственников, а потом и он сам умрет – отправится на корм рыбам. Не буду утомлять подробностями злоключений упертого шетландца, но по итогам все сбылось. Сеорас вначале потерял шесть овец, потом похоронил шестерых сыновей, а потом и сам утонул в море во время путины.

Старик прервался, переводя дух. Вдохновенная речь утомила его.

– К чему это я, а? – притворно озадачился он вдруг, иронично кривя губы. – Это же сказка – да, Матюша? Но не забывай, что в каждой сказке есть намек, добрым молодцам урок. Будет жаль, если мой последний урок пропадет для тебя втуне. Неверие и скепсис слишком глубоко укоренились в нашем мире, и ты, мой лучший ученик, увы, не избежал их губительного влияния. И тем не менее, я делаю попытку достучаться до тебя в последний раз. Прошло время, когда я мог молчать. Кое-кто и сейчас будет недоволен, если узнает, что я нарушил слово. Все последние годы я тщательно сохранял и прятал материалы, вел записи и оставлял подсказки в неожиданных местах в надежде на твою сообразительность. После того, как я разыскал так называемую «библиотеку Атлантиды» в древних тоннелях Эквадора и знающие люди перевели мне несколько текстов по истории мира до Потопа, они постоянно боялись, что я выкину фортель, нарушив уговор. Они следили за мной, приставили шпионов. И первыми же обманули меня – не я, а те, кто обещал мне неприкосновенность! Они заманили меня в Перу, где подсунули отравленную фальшивку...

Я умираю, Матюша, и знаю об этом, но не хочу покидать этот мир проигравшим. Ты далеко, и они не позволят нам поговорить с глазу на глаз, поэтому я сочиняю это письмо. В нем я поведаю, что именно оставил тебе в наследство. Слушай меня внимательно и постарайся понять и простить.

Я оставляю тебе не только остров, но и его древнюю легенду о Таранисе. На острове я оставляю тебе дом, а в доме – библиотеку. Нет, не ту, из металла, а обычную. Не прошу тебя наследовать мою